

Дмитрий ЛЕДОВСКОЙ

г. Москва

СОБАЧИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ

(ЭПИЗОДЫ ВЕЛИКОЙ ГОНКИ)

Мы сидели на спальниках, брошенных прямо на пол в спортивном зале местной школы. Каюры уже спали, похрапывали, посвистывали, воздух пропитывался тяжким запахом шкур, нестираных носков, чижей – меховых чулок, ворвани. Молодая журналистка одной из камчатских газет сидела у дверей и курила. Её пальцы с осыпавшейся окраской ногтей были грязно-серого цвета, осунувшееся, апатичное лицо вызывало странное чувство жалости и любопытства.

– Вам это нравится? – спросил я, поведя рукой вокруг. И добавил: – Ни умыться толком, ни отдохнуть...

Девушка медленно подняла голову, откинула капюшон. Каштановые волосы, сохранившие пышность и волнующую красоту, рассыпались по меховой опушке капюшона теплой куртки. Спокойная улыбка словно расцвела, сделала удивительно милым измученное лицо, и она ответила:

– На сегодня это мой, да и ваш, образ жизни. Это – «Берингия»...

Для меня этот «образ жизни» начался в конце 1990 года, в большой и теплой анадырской квартире, где собрались молодой геолог Александр Печень, журналист Алексей Карягин, руководитель окружного чукотс-

кого спорткомитета Сергей Райтыргин и моя супруга Ирина Ледовская. Печень привез из Петропавловска-на-Камчатке грандиозную идею – провести гигантскую гонку на собачьих упряжках по Камчатке и Чукотке. Небольшой опыт он уже имел – первая «Берингия» состоялась весной 1990 года на Камчатке, более трехсот километров пробежали 15 упряжек. Новое предложение было встречено с энтузиазмом, как встречается любое предложение, направленное на благородные и великие цели. А хотели ребята возродить служебное собаководство, традиции коренных народов Чукотки и Камчатки, как говорили классики –

«ударить пробегом» по упадку и безразличию к судьбам заброшенных сел Крайнего Северовостока. Не задумываясь особо о возможности самых невероятных сложностей гонки протяженностью около 2000 километров, молодая компания твердо решила её провести, и стали искать исполнителя воли собрания на территории Чукотки. На Камчатке был уже Печень, было малое предприятие «Берингия», на Чукотке был ноль. Перебрали массу имён, и здесь Ирина сказала:

– Почему вы не предлагаете Диму? Ведь он так хотел этого.

Дело в том, что в момент сей встречи я (Дима) был в Москве, где пытался определиться с будущей жизнью в смутное время перестройки. Из окружного телерадиокомитета, где был долгое время редактором, я уже ушёл, в Москве точно определиться не смог, а может, и не хотел, и здесь прозвенел звонок, и жена сообщила:

– Тебя хотят видеть...

Кто видеть – так и не понял, связь была ужасной, но я сделал восьмичасовой прыжок-перелет на Ил-18 из своей московской квартиры в квартиру в Анадыре и узнал, что мне суждено организовать свой участок гонки – по Чукотке. Тогда я получил на руки от Саши Печень примерный устав малого предприятия, которое мы окрестили «Белый клык», губернатор Чукотки Александр Назаров нас поддержал, предприятие утвердили, и в начале 1991 года закрутилась круговерть под названием «Берингия»...

Главным стержнем, пружиной, мозгом, волей был, конечно, Александр Печень. Он метался по кабинетам разваливающейся власти, по старатель-

ским артелям, по селам и стойбищам. Он выбивал деньги, искал каюров с упряжками, он, в конце концов, сделал невозможное – собрал 8 камчатских упряжек, перевел немного денег на счёт моего «Белого клыка», и в начале марта мне удалось договориться с двумя каюрами – Владимиром Радивиловым из Аляткаваама и Николаем Колянто из Нешкана, что они примут участие в гонке...

Колянто, худой и жесткий, был типичным представителем своего народа. Жил по правилам чукотских стойбищ, охотился, рыбачил, но всё время рвался куда-то дальше, в другие просторы, в другие измерения.

Володя приехал на Чукотку работать в сфере культуры. Занимался он ею не так уж плохо, но вдруг послал подальше свой прежний образ жизни, завел упряжку прекрасных собак, стал охотником, рыбаком, забрал из школы красавицу дочь Настю, рожденную от жены-чукчанки, приобщил её к своему тундровому делу да ещё и взял её с собой на «Берингию».

Я впервые увидел «своих» каюров и их собак в анадырском аэропорту, куда они прибыли к вечеру, накануне отлета к месту старта – селу Эссо на Камчатке. Авиаторы предложили переночевать на оптовом складе, собаки расположились вокруг складских помещений, при этом две хаски из команды Радивилова передрались не на шутку. Володе пришлось даже звездануть главного драчуна здоровенной палкой по хребту. Пес поскулил, но отпустил ухо противника и, успокоившись, получил на ужин здоровенную мороженую рыбу, как и все его друзья по упряжке. Я

обратил внимание на объемный мешок, который Радивиллов устроил повыше над землей, на некие козлы.

– Чтоб собаки не достали. Здесь туша нерпы, – пояснил он мне. – Этот жир им во время гонки понадобится.

Он посмотрел на собак Колянто и добавил:

– Худоватые они у Коли. Может сил не хватить на долгую гонку.

Он оказался прав. Собаки Колянто добежали до конца гонки, но оказались последними в этом изнурительном марафоне. А вообще, собакам в этом мероприятии досталось по полной. Но к чести руководителей гонки, ни одно животное не погибло, мало того, ни одна из собак серьезно не заболела. В «человеческой» команде «Берингии» были кинолог, ветеринар, врач, все они ежедневно обследовали животных (иногда людей), лечили стертые на жестком снегу лапы, кололи витамины наиболее хилым, одобряли и помогали животным, снимали стрессы...

А первый стресс чукотские собаки испытали при перелете Анадырь – Палана. На зафрахтованном грузовом Ан-24 поместились две упряжки (30 собак), Колянто с молодым помощником, Радивиллов с дочкой и ваш покорный слуга. Собаки летели впервые в жизни! Они скулили, влзлаивали, упирались всеми четырьмя лапами, а очутившись в салоне, беспокойно тыркались носами во все стороны, некоторые с перепугу описались. Но полёт, слава богу, шел нормально, без изуверских болтанок, все стали успокаиваться. Наступила тишина, наполненная непрекращающимся гулом моторов самолета. Лететь нам

предстояло 4-5 часов. Собаки прикорнули. Стали клевать носами и люди.

Я уснул, привалившись к борту самолёта, и вдруг проснулся от невыносимого жара. Мне показалось, что я нахожусь в самой середине «кучи малы», знакомой ещё с арбатского детства, но почему-то с острым запахом псины. Я еле смог пошевелиться, так как на ногах у меня прилепился здоровенный пес, на коленях улеглись лапами и мордами две собаки из упряжки Колянто, ещё два зверя сунули свои морды справа и слева под мышки, а один гибкий пёс умудрился лечь мне на плечи. В таком завале из псов оказались все людские особи, ведь собаки, перепуганные неизвестными им и опасными ощущениями, искали защиты у людей, находясь в тесном животном контакте. Никто, даже суровый Колянто, не отпихивал собак. Наоборот, мы стали оглаживать их, удобнее укладывая, позволяли полизать наши щеки и руки. Долетели, конечно, благополучно. Но некоторые собаки, оказавшись на земле, плюхались на живот и отлеживались некоторое время и даже не хотели есть. Стресс есть стресс!

...Как заблудился Радивилов в первые дни гонки – история и печальная, и мужественная. Была легкая пурга, она слегка замела трассу, к тому же в том самом месте, где отсутствовали вешки, то бишь красные флажки, которые мы втыкали для определения этой самой трассы, прошло ночью стадо оленей. И Радивилов сбился с пути, ушёл в сторону, а собаки-то были у него с Чукотки и не знали нынешних мест. Но-

чевал Володя в чистой тундре, собаки грели его своими телами, но каюр не паниковал, его спокойствие передавалось животным, и в конце концов он добрался до ближайшего крохотного села. Его направили на путь истинный, и, потеряв более суток, Радивилов снова влился в гонку.

По условиям соревнований время каюра и его упряжки суммировалось. То есть каждые сутки, а пробегали собаки от 80 до 120 километров, фиксировалось время в пути. Каюр мог делать остановки, кормить собак, даже поспать. После первого дня Радивилов оказался последним и весь март на каждом этапе сокращал отрыв в 28 часов! Он выиграл все следующие этапы, и не хватило для полной победы всего часа. Радивилов был единственным каюром, ни разу не садившимся на нарты. Он или бежал за ними, или стоял на запятках. За время гонки он похудел на 18 килограммов. Но собаки пришли вполне «в теле». Спасали собак щадящий режим, забота каюра и та самая туша нерпы. Жир есть жир. В гонке же 1991 года первым стал каюр из Караги Павел Лазарев. Вторым – Владимир Радивилов.

Пропажа упряжек в пути – дело нечастое, но через несколько лет на той же гонке заблудился и исчез на три дня молодой каюр с упряжкой малознакомых собак, собранных у друзей незадолго до старта. Парень скитался несколько суток, кормил собак снежными комками, пропитанными тюленьим жиром, собаки снова проявили и послушание, и понимание. Они грели парня своими телами, охраняли от волков. А потерялся молодой каюр в таин-

ственной долине, где, по преданию, обитали злые духи, заманивающие путников...

В чукотском селе Ваеги, это было уже в гонке 1992 года, нам показалось, что одна упряжка тоже заблудилась. В тундре у посёлка на финише догорал ночной костер. Я как руководитель Чукотского участка отправил всех отдыхать и остался у костра, где со мной коротали ночь до двух часов после полуночи судья гонки, двое местных парнишек со своими собаками, прикорнувшими поближе к огню. Из средств связи у меня осталась одна ракета в старой тяжелой ракетнице. Тишина была абсолютной, звёзды почти лежали на наших плечах, костер затухал, судья и ребята клевали носами, а ведь первый старт последнего этапа должен был начаться в 5 утра. Я тихо спросил:

– Ну что, запустим последнюю ракету?

– Толку-то? – сказал хрипло судья. – Коль не жалко – пулай...

Гулко бахнул выстрел. Шипящий красный комочек ввинтился в черное небо и стал медленно падать. И далеко-далеко раздался лай. Собаки слегка заплутавшей упряжки увидели ракету...

Ночные старты, а в 5 утра и на Камчатке и на Чукотке – полная темень, зрелище особенное. Собаки, собираясь в путь, дрожат от утреннего озноба, оправляются по малому и по большому, огрызаются друг на друга, лают на зажженные фальшфайеры, в общем – выражают недовольство. Но вот старт, первая упряжка, та, что пришла первой на предыдущем этапе, уходит в ночь, кто-то из нас бежит немного рядом с горящим фальшфайе-

ром, а затем маленький собачий караван убегают вперёд. А всю ночь перед стартом снова кто-то из команды гонки ехал на снегоходе «Буран» или на лыжах и «вешковал» трассу, втыкая красные флажки, словно определяя фарватер гонки.

Участки трассы были, напоминая, от 80 до 120 километров. Заодно мы прямо в тундре выставляли рекламные плакаты от фирм-спонсоров, найденных Сашей Печенем и мной. Для кого были эти плакаты в безлюдной местности – непонятно! Но фирмы-спонсоры настаивали – ставить рекламу на пути гонки. Мы и ставили, где просили. Например, в пустой тундре о своих достижениях одна американская лаборатория на английском языке рассказывала на полотнище длиной метров в десять. Такой же плакат оповещал собак и каюров о деятельности некоего издательства.

Упряжки стартуют с интервалом в 20 минут, дабы не схватиться собакам в драке за лидерство. Их, собак, должно быть не более 15, но не меньше 9, чтобы не изнурять зверей чрезмерной нагрузкой. Свободные собаки, чаще всего самые уставшие, поранившие лапы, едут или в вездеходе, или летят в вертолете под присмотром фельдшера или ветеринара, ни одну из собак мы не оставляли.

Людская команда была достаточно многочисленной, и каждой собаке достались и внимание, и ласка, и лакомый кусок. Помимо врача, фельдшера, ветеринара и кинолога, двигались вслед, а иногда и впереди гонки, журналисты, телегруппа, художник, помощники Печеня по экономической части, присоединялись на

день-два представители старательских артелей, по чьей территории бежали упряжки.

В принципе, всем доставало работы, никто не отказывал нам в помощи по самым насущным сиюминутным делам – собрать хворост или дрова, сварить пищу, встречать упряжки, дежурить на старте и финише. А Настя, дочь Радивилова, варила кашу всем каюрам, а в сельских клубах, на встречах с местными жителями, изумительно танцевала национальные танцы. Так что «живого балласта» не было.

Говоря о привалах, в памяти одно за другим всплывают национальные села, куда приходила гонка. Первая упряжка обычно финишировала вечером, с 16 до 18 часов. Последняя – ближе и после полуночи. И вот, как только вбегала первая упряжка, в селе начинался праздник. В каждом (!) селе гонку встречал танцами на снегу местный национальный ансамбль, пылал кумач плакатов и флагов, горели костры. Занятия в школах отменялись, и детвора облепляла каждую упряжку, иные от восторга целовали собак в их суровые морды.

Наши врач и фельдшер немедленно начинали прием местных больных, ведь врачей здесь не бывало по несколько лет. Вечером в клубе, сельсовете или школе начиналась праздничная встреча. Там было все – концерт, танцы Насти, рассказы каюров, автографы, чаепитие...

Спиртное исключалось, но... Именно «но». Почти у каждого каюра находились в сёлах родственники или знакомцы по охотному или рыбацкому делу. И «но» всё-таки проскакивало, и иногда так, что одно-

го каюра пришлось привязать к собственной нарте, дабы он смог стартовать в свой час. Мы знали, что собаки его не подведут, но все-таки и с вертолета, и на «Буранах» следили за ним. Доехал наш веселый каюр благополучно, правда в дороге часика три поспал на нарте, потеряв драгоценное время, но дав отдых довольным собакам.

И снова о собаках. Так получилось, что в одной упряжке пришлось заменить жоака. Пес приболел, его, конечно, вылечили за пару дней, но бежать-то надо было каждый день. И вот добродушный пятилетний пес поставлен во главе упряжки первый раз в его жизни. Поняв, что его пробуют на роль жоака, пес преобразился. Он выпрямился, вздёрнул свою улыбчивую башку, коротко рыкнул и уверенно, начальственно (другого слова не подберу) оглядел своих подопечных, остальных членов упряжки.

Те вели себя по-разному. Кто-то поджал хвост, кто-то зарычал, кто-то обидчиво (почему не меня?) склонил голову. Эту картину наблюдали все мы, смеялись, переглядывались, но, главное, ещё больше начинали любить и понимать этих невероятных животных.

Моим любимцем был жоак одной из чукотских упряжек, одноглазый Чаро. Глаз он потерял в схватке с медведем, был пёс угрюм и раздумчив, и я нередко подходил к нему на стоянках, угощал косточкой, делая это сознательно, ведь жоак должен быть сильнее всех, а упряжка должна замечать, что Чаро на особом счету у людей. Разговаривал с ним, и, честное слово, его реакция была абсолютно адекватна мо-

им словам. Он на мои сетования о усталости и проблемах кивал головой, мог рыкнуть, если я кого-то ругал, улыбался, если я шутил.

Нравился мне и другой пес, тоже вожак, но другой упряжки, по имени Ельцин. К тому же я симпатизировал тогдашнему президенту России, а пес был умен и величав. Собаки вошли в мою жизнь не как сентиментальная прибавка к людской жизни, а как чудесное произведение природы, надежные друзья с непознанным, но явно существующим мышлением, своими чувствами и привязанностями.

В гонках 1991 и 1992 года нас сопровождал вертолет, где командиром был Владимир Самарский. Невысокий, с легким прищуром умных глаз, авиатор, прежде чем сесть в винтокрылую машину, спрашивал нас:

– Может, полетим сегодня? Разрешаете?

И мы летели... В любую погоду, над любыми сопками, в любом направлении. В посёлках он катал детишек, катал – то есть поднимал в воздух, делал крутые развороты. Может, он действовал не по правилам, но... Сейчас его уже нет с нами в этом мире, но я помню, как после катания дети выбирались из вертолета и с криками восторга бежали к ожидающим мамам и папам.

Машина Самарского могла сесть где угодно, могла взять на борт сколько угодно груза, наша вера в пилота была безгранична и оказалась полностью оправданной. Ни он, ни его Ми-8 ни разу не подвели нас. Мы работали с великим асом и потрясающим по душевному складу человеком, не знающим

уныния и сомнений. И когда он говорил: «Ребята! Давайте я сегодня полечу хвостом вперёд!», мы так верили этому, что дружно отговаривали его от воздушного безумства. И сейчас думаю – а может, он и это умел?

А теперь о любви. Во время «Берингии» 1992 года, которую безоговорочно выиграл Радивиллов, второй пилот экипажа вертолета влюбился в Настю. Она снова шла с отцом в гонке. Так вот – в нескольких селах молодой пилот ради своей любимой совершал прыжок на парашуте с борта своей машины.

Я видел три таких прыжка, особенно запомнился последний, на финише в чукотском посёлке Марково. На другой день после финиша на улице сияло солнце, кипел праздник, гремела музыка, смеялись отдохнувшие люди, лаяли собаки, все готовились к радостному награждению, подаркам. А потом все стали смотреть в небо. Вертолет Самарского поднимался все выше и выше, словно карабкался по ступенькам ледяного воздуха, превращаясь в едва заметную точку в небе. В полном молчании оттуда, с небес, начинался прыжок русского парня. Прыжок ради любви. Я видел слезы на глазах женщин, что-то щипало и в моей груди и, наверное, у других мужчин. Парень все летел и летел к своей девушке, застывшей с цветами в руках, а мы смотрели и становились в эти минуты чуть лучше и светлее. И приземлился летчик прямо на площади, взорвавшейся криками восторга.

Это был финиш гонки 1992 года, когда длина пути составила 2044 километра и мы обогнали знаменитый американский «Айдитород», гонку по

Аляске, протяженность которой составила 1700 километров. Американцы называли её «Последней великой гонкой». Ну и пусть называют, а в Книге рекордов Гиннеса именно «Берингия» вписана как самая протяженная гонка в мире! На собачьих упряжках!

Это было в 1992 году. Но и в 1991-м мы уже опередили американцев, ведь прошли мы 2000 километров, и когда Александр Печень и ваш покорный слуга пришли в офис представительства Книги рекордов Гиннеса в Москве, нам сразу не поверили. Но были документы, протоколы, пресса, и получили мы два экземпляра документа, признавшего нашу гонку самой протяженной в СССР. Последующие проверки утвердили её и в звании самой протяженной гонки в мире.

Кстати, такой цели – сделать гонку знаменитой – мы и не ставили. Мало того, были сомнения, дотянем ли вообще до финиша. Устали люди и собаки, совсем не было денег. И если во время соревнований мы питались неплохо, то в последние дни, в Марково, дошло до того, что на переводы от жены я покупал после финиша каюрам масло, хлеб, сахар и чай. Это было, правда, когда разъехались все, кроме чукотских каюров. Мы ждали 7 дней лётную погоду на Анадырь.

Кстати, с гонкой был один американский журналист, которого на его родине запугали так, что он питался только из тюбиков консервированной пищи. Допитался до серьезного срыва деятельности пищеварительного тракта. Зато начал хлебать борщи, лопать мясо, стал, как говорят северные люди, «настоящим челове-

ком». Собакам было легче – местные жители несли еды предостаточно. Но гонка, словно озлившись на трудности, не развалилась, хотя до финиша дошли шесть упряжек. Сошедшие или устали, или поняли, что им не выиграть тот марафон. Дошла и потому, что был у нас Александр Печень.

Говорить об этом парне, сейчас уже седовласом мужчине, и просто, и сложно. Просто, потому что он жил и работал просто, не щадя себя, своего времени, своего тела, сложно – потому что в смутное, дикое время переоценки всего, в том числе и нравственных ценностей, он сумел не растратить душевной щедрости, не рвануться за материальными благами, не приобрести ничего – даже просто хорошей квартиры. Он стал сейчас известен во многих странах, мой друг Саша Печень. А вот в своей стране, где, как известно, «нет пророков»,

меньше. Как и сама гонка. Американцы и в прессе, и на телеканалах восхищались нами, завидовали, злились, но тем не менее не уставали награждать и славить своих каюров, продолжая называть гонку «Последней великой», а «Последней великой» были мы, и это не хвастовство, не миф – а просто факт!

Время всё расставляет по своим местам. Живет камчатская «Берингия», бегут упряжки в гонке «Надежда» по Чукотке, плывут чукотско-эскимосские байдары в регате «Летняя «Берингия», организованной впервые в 1992 году Сергеем Райтыргиным и автором этих строк, но началом начал были «Берингии» 1990, 1991 и 1992 годов и их командор Александр Печень. И в светлые минуты воспоминаний я вижу всё: упряжки, бегущие по руслам рек, взбирающиеся на сопки, карабкающиеся по полному бездорожью, вдоль

морья, глазу чудесных собак, вглядываясь в их усталые глаза, вижу почерневшие лица каюров, слышу гул вертолета и фигурку человека, бросающегося в бездну ради любимой девушки, оглядываю сумеречный спортивный зал, где раскинулись в глубоком сне мужественные ребята, и вижу девушку, устало говорящую понятные мне слова: «Берингия» – это образ жизни. И в душе повторяю: «Чудесной, ни на что не похожей жизни».

От редакции:

Гонка «Берингия-2012» состоялась в марте 2012 года.

Дмитрий Александрович ЛЕДОВСКОЙ

родился в 1941 г. в селе Урелики (Чукотка).

Член Союза журналистов СССР и России.

Участник нескольких морских походов в Атлантику, Средиземное море.

Организатор гонок на собачьих упряжках по Камчатке и Чукотке в 1991 и 1992 годах (зимняя «Берингия»), перехода через Берингов пролив на чукотско-эскимосских байдарках на парусах и веслах в 1992 году (летняя «Берингия»).

Публиковался в «Известиях», «Неделе», «Литературной газете», «Новом времени», «Вокруг света», а также в «Нью Таймс» и «Ост» (Германия), практически во всех северных СМИ.

Телерепортажи выходили в программах ЦТ «Новости», «Время».

Автор книг «Лунный свет удлиняет тени», «Бюст», «Никто не хочет быть собакой».

В журнале «Север» публикуется впервые.

